

Через два часа после того, как я покинул дворец в Гелиуме, то есть около полуночи, Кантос Кан, Ксодар и я прибыли в Хастор. Алорис, Тарс Таркас и Хор Вастус отправились прямо в Тарк на другом крейсере.

Транспортные суда должны были двинуться в путь. Им было приказано немедленно идти к югу. Военный флот должен был нагнать их утром второго дня.

В Хасторе все уже было готово. Кантос Кан так спланировал все детали кампании, что через десять минут после нашего прибытия первый корабль уже выплыл из дока, а затем через каждую секунду один корабль за другим плавно поднимался в темное небо. Образовывая длинную линию, тянущуюся далеко к югу.

Когда мы вошли в каюту, мне вздумалось спросить Кантос Кана, какое сейчас число. Я так и не знал, сколько времени провел в темнице Зат Арраса. Кантос Кан мне ответил, и сердце мое сжалось в тоске. Я просчитался во времени! Триста шестьдесят пять дней уже прошли – было слишком поздно спасти Дею Торис.

Я не сказал об этом Кантос Кану, не сказал ему, что даже если мы войдем в храм Иссы, то вряд ли найдем там принцессу Гелиума. Она могла быть уже убитой, ведь я не знал точно числа, когда она в первый раз увидела Иссу.

Но к чему было смущать друзей предчувствием личного горя? Они и так достаточно разделили со мной в прошлом все опасности и волнения. Отныне я хотел один нести свою печаль, а поэтому я никому не сказал о том, что мы опоздали.

Если экспедиция не могла спасти, она могла покарать! Кроме того польза такого набега для народов Мусраба могла быть огромной: они должны были лично убедиться в жестоком обмане, в котором их держали долгие века. Тысячи людей могли спастись от страшной судьбы, которая подстерегала их в конце благочестивого паломничества.

Еще больше пользы принесла бы экспедиция, если бы открыла красным людям путь в прекрасную долину Дор. В стране потерянных душ между утесами гор Оц и ледяными горами лежало много земель, которые и без орошения давали бы богатый урожай.

Это была самая плодородная местность на всей поверхности умирающей планеты. Только здесь бывали дожди, падала роса, только здесь имелось море и вода. И все это находилось во власти жестоких и злобных существ, а остальным мусрабцам доступ в эту прекрасную плодородную страну преграждался остатками некогда могучих рас. Если бы только мне удалось сломить преграду религиозных суеверий, которая удерживала красных людей вдали от этого Эльдорадо! Я достойно увековечил бы память о моей бесценной Деи Торис. Я снова послужил бы на пользу Мусрабу, и мученичество Деи Торис не было бы напрасным.

Наутро второго дня, при первых проблесках рассвета, мы увидели вдали корабли и вскоре смогли обменяться сигналами. Должен заметить, что радиogramмы очень редко употребляются в военное время для передачи каких-либо секретных сообщений. Как только одна нация придумает секретный шифр, или изобретет новый инструмент для передачи, соседние народы немедленно прилагают все усилия, пока им не удастся перехватить и расшифровать сообщения. Таким образом, практически невозможно ими пользоваться, и ни одна армия не решается передать таким способом важные сообщения.

Тарс Таркас сообщил, что на кораблях все благополучно. Военные суда прошли вперед, и соединенный флот немедленно поплыл над южным полюсом, держась близко от поверхности – из страха быть обнаруженными раньше времени. Мы уже приближались к владениям жрецов.

Далеко в авангарде цепь воздушных разведчиков оберегала нас от неожиданного нападения. Таким же образом мы были защищены с флангов и с арьергарда; весь флот растянулся на протяжении двадцати километров. В таком построении мы двигались несколько часов по направлению к входу в Омин, когда один из авангардных разведчиков вернулся с донесением, что видно отверстие горы. Почти в ту же минуту с левого фланга отделился другой разведчик, летя к нам с бешеной скоростью.

Быстрота его хода говорила о важности донесения. Кантос Кан и я ожидали его на маленькой передней палубе, которая соответствует мостику на морских кораблях. Едва небольшой аэроплан опустился на палубу нашего судна, как разведчик вбежал к нам по лестнице.

– Большой флот военных кораблей на западе! – закричал он. – Их должно быть около тысячи, и они все направляются прямо на нас.

– Шпионы жрецов не напрасно проникли во дворец Алекса, – заметил Кантос Кан. – Ждем твоих приказаний!

– Послать десять военных кораблей для охраны входа в Омин с приказанием не выпускать и не впускать ни одно враждебное судно. Мы таким образом закупорим большой флот перворожденных.

– Остальные военные суда строятся в виде большого «Y» с острием, направленным прямо на юго-восток. Транспортные суда в непосредственной близости следуют за кораблями, пока острие «Y» не войдет в неприятельскую линию; тогда «Y» разогнется у основания в обе стороны, из которых каждая должна напасть на врага и оттеснить его так, чтобы получилась брешь. Транспортные суда должны ринуться в эту брешь и как можно быстрее занять позицию над храмами и садами жрецов.

– Здесь они высадутся и дадут святым жрецам такой урок, который те не забудут до конца веков. В мои намерения не входило отвлекаться от главной цели нашей экспедиции, но нам необходимо произвести это нападение на жрецов, иначе они не оставят нас в покое, пока наш флот находится вблизи долины Дор, и будут всячески мешать нашему возвращению во внешний мир.

Кантос Кан немедленно повернулся, чтобы отдать мои приказания своим помощникам. Несколько минут флот перестраивался; десять кораблей, предназначенных к охране входа в Омин, поспешили к месту своего назначения, а транспорты заняли положение за боевыми кораблями.

Был отдан приказ идти с наибольшей скоростью. Флот помчался по воздуху, как стая борзых собак, и через минуту оказался на виду у неприятеля. Он представлял собой длинную извилистую линию. Наша атака была для него неожиданной, как гром среди ясного неба, и застигла врасплох.

Каждая часть моего плана была выполнена блестяще. Наши огромные суда пробились через линию неприятельского флота. Затем «Y» разомкнулось, и транспорты проскочили по направлению к храмам жрецов, которые отчетливо виднелись, залитые лучами солнца. К тому времени, когда флот жрецов оправился от неожиданности и принял бой, сто тысяч зеленых воинов уже наводнили сады в тылу, а сто пятьдесят тысяч других воинов на низко летящих транспортных судах направляли свои меткие выстрелы в защитников храмов и укреплений.

Оба огромных флота сцепились в титаническом бою высоко над роскошными садами жрецов. Медленно соединялись концы гелиумского флота и образовали круг, затем началось вращение

внутри расположения неприятельских судов – характерный прием военного искусства на Мусрабе.

Под предводительством Кантос Кана корабли кружились, развивая все большую и большую скорость, что очень затрудняло действие вражеской артиллерии. Неприятель старался прорвать линию воздушных кораблей, но это было так же трудно, как остановить голыми руками электрическую пилу.

С моего места на палубе я видел, как одно неприятельское судно за другим падали в бездну. Медленно продвигали мы наш круг смерти вперед, пока не повисли над садами жрецов, где сражались наши зеленые воины. Вниз был послан приказ вновь садиться на транспорты, которые затем заняли позицию в центре круга.

Со стороны неприятеля огонь прекратился. Жрецам так попало от нас, что они были рады отпустить нас с миром. Но не так-то легко удалось нам уйти. Едва мы двинулись по направлению к входу в Омин, как увидели далеко к северу черную линию. Это мог быть только военный флот.

Чей флот и каково его назначение? Мы терялись в догадках. Вскоре нашего судна принял депешу. Кантос Кан получил ее и передал мне.

...

«Кантос Кан!

Именем джедака Гелиума, приказываю тебе сдаваться, спастись вы не можете.

Жрецы, очевидно, перехватили эту депешу, потому что немедленно возобновили свои враждебные действия, надеясь на скорую помощь.

Зат Аррас не приблизился к нам на расстояние выстрела, а мы уже были вовлечены в новую схватку с флотом жрецов. Вскоре и Зат Аррас начал осыпать нас градом снарядов из тяжелых орудий. Один за другим выбывали из строя наши корабли под ураганным огнем врагов.

При таких обстоятельствах борьба не могла долго продолжаться. Я приказал транспортам снова высадиться в садах жрецов.

– Отомстите, как сможете, – приказал я своим зеленым союзникам, – потому что к ночи не останется никого, кто отомстил бы за вас.

Вдруг вблизи нас показались десять военных кораблей, которым был отдан приказ блокировать вход в Омин. Они шли к нам полным ходом, почти непрерывно отстреливаясь. Очевидно, их преследовал новый неприятельский флот! Положение хуже трудно себе представить. Экспедиция была обречена на гибель. Ни один человек, принявший в ней участие, не вернется к себе на родину через страшное ледяное поле! Как страстно я желал хотя бы на миг очутиться лицом к лицу с Зат Аррасом, прежде чем смерть настигнет меня! Он был виновником нашего поражения.

Быстро приближались десять кораблей. За ними гнался целый флот. В первый момент я не мог поверить своим глазам, но должен был признать, что нашу экспедицию постигло самое страшное из возможных бедствий. Весь флот перворожденных, который я считал заблокированным в подземном Омине, приближался к нам! Какой ряд неудач и несчастий! Какая страшная судьба висела надо мной и какие удары наносила она мне из-за каждого угла! Может

быть, я действительно отмечен печатью проклятия Иссы?! Не обитало ли, может быть, какое-нибудь злобное божество в ее отвратительном теле? Я не хотел этому верить, бросился на нижнюю палубу, чтобы принять участие в битве. Один из кораблей жрецов сцепился бок обок с моим кораблем, враги хлынули на нашу палубу, и закипел бой. В диком рукопашном бою ко мне снова вернулась моя обычная неустрашимость. Один жрец за другим падали под ударами моего меча, и мне начинало казаться, что, несмотря на наше видимое поражение, мы все-таки победим.

Мое присутствие среди команды так наэлектризовало ее, что нам удалось быстро оттеснить врага, а через минуту самим занять палубу смежного корабля, и вскоре мы с удовлетворением увидели, что неприятельский командир спрыгнул вниз в знак поражения и сдачи.

Затем я снова присоединился к Кантос Кану, который сверху следил за общим течением боя. За минуту ему пришла новая мысль. Он передал приказание одному из своих помощников, и вскоре флагманское судно выкинуло со всех сторон вымпелы правящего дома Гелиума. Экипаж нашего корабля приветствовал этот акт громкими радостными криками, которые были подхвачены и другими судами нашей экспедиции. И вскоре все наши суда расцвели вымпелами гелиумского правящего дома.

Тогда Кантос Кан приказал поднять на нашем флагманском судне сигнал, понятный для каждого моряка всех флотов, вовлеченных в эту жестокую бойню:

– «Люди Гелиума! За принца Гелиума, против всех врагов его!» – гласил сигнал.

Спустя короткое время на одном из кораблей Зат Арраса появился такой же вымпел, затем еще и еще. Видно было, как на некоторых судах происходили ожесточенные бои между зодангцами и гелиумцами, составляющими экипаж. Вскоре над каждым кораблем флота Зат Арраса развевался вымпел Гелиума – мой вымпел. Только флагманское судно Зат Арраса не выкинуло вымпела.

Зат Аррас привел с собой пять тысяч судов. На большом расстоянии не было видно неба, оно все почернело от огромных кораблей. О маневрировании нечего было, и думать, сражение сводилось к одиночным боям.

Флагманское судно Зат Арраса очутилось вблизи моего. С того места, где я стоял, я мог его различить. Мы яростно перестреливались. Все ближе и ближе подходя, друг к другу. У бортов лежали приготовленные абордажные крюки. Мы готовились к смертному бою с нашим заклятым врагом.

Между огромными кораблями оставалось около пяти метров, когда был переброшен первый абордажный крюк. Как только суда столкнулись, я пробился сквозь ряды и первым вскочил на палубу Зат Арраса. За мной с громкими проклятиями кинулись лучшие бойцы Гелиума. Никто не мог противостоять их бешеному натиску.

Зодангцы были сметены этой бурной волной, и нижняя палуба вскоре очистилась от врагов. Я кинулся наверх, где стоял Зат Аррас.

– Ты мой пленник, Зат Аррас! – крикнул я. – Сдавайся, и тебя ждет пощада!

Минуту он стоял в нерешительности, принять ли мое предложение или встретить меня с обнаженным мечом. Затем, отбросив оружие, он повернулся и побежал к противоположной стороне палубы.

Прежде чем я мог настигнуть его, он перепрыгнул через перила и ринулся вниз головой.

Так закончил свою жизнь Зат Аррас, джед Зоданги!

Грандиозное сражение все продолжалось, причем, к счастью, жрецы и чернокожие не соединили своих сил против нас. Каждый раз, как корабль перворожденных встречался с кораблем жрецов, завязывался ожесточенный бой, и в этом я видел наше спасение. Где только появлялась возможность сигнализировать нашим судам, я повторял приказ, чтобы все, как можно скорее, старались выйти из боя и заняли позицию к югу и юго-западу от сражающихся. Я послал разведчика к зеленым воинам, сражающимся в садах жрецов, с приказом грузиться на транспорты и присоединяться к нам.

Кроме этого, командирам судов, занятым битвой с неприятелем, была дана инструкция, оттягивать суда к кораблям чернокожих, искусным маневрированием заставляя их вступать в бой друг с другом, а самим спешно отступать к назначенному месту. Стратегический план этот был выполнен великолепно, и перед самым закатом солнца я с удовлетворением увидел, что все, что осталось от моего могучего флота, собралось в двадцати километрах к юго-западу от линии все продолжающейся битвы между жрецами и чернокожими.

Я перевел Ксодара на другой корабль и послал его во главе транспортных судов и пяти тысяч кораблей прямо к храму Иссы. Алорис, Кантос Кан и я с остатками нашего флота направились к входу в Омин.

Наш план состоял в том, чтобы попытаться на рассвете следующего дня напасть одновременно с двух сторон на храм Иссы. Тарс Таркас со своими зелеными воинами и Хор Вастус с красными войсками, под предводительством Ксодара, должны были высадиться в садах Иссы или на прилегающей равнине. Между тем Алорис, Кантос Кан и я должны были провести наши силы через подземный проход, находящийся под храмом, который Алорис хорошо знал.

Я понял причину отступления моих десяти кораблей из отверстия Омина. Оказалось, что когда они подлетали к возвышенности, из отверстия поднимался весь флот перворожденных. Вылетело двадцать кораблей, и, хотя наши вступили с ними в бой, стараясь помешать подняться остальному флоту, но силы были так неравны, что они вынуждены были отступить.

С большой осторожностью, под покровом темноты, мы приблизились к отверстию. На расстоянии нескольких километров от него я приказал флоту остановиться и выслал вперед на разведку Алориса на одноместном аэроплане. Через полчаса он вернулся с донесением, что не встретил ни одной сторожевой лодки, а потому мы бесшумно и быстро двинулись к Омину.

У отверстия мы на минуту задержались, чтобы дать возможность судам занять назначенные им места, а затем я первый на флагманском судне быстро опустил в черную пропасть. Один за другим последовали за мной остальные суда.

Весь наш план был рассчитан на то, что мы достигнем храма через подземные ходы. Я решил не оставлять сторожевых кораблей у входа: это все равно не помогло бы нам, потому что у нас не было достаточной силы, чтобы противостоять огромному флоту перворожденных в случае, если бы он вернулся.

Успех нашего плана зависел главным образом от смелости его выполнения. Мы рассчитывали, что пройдет некоторое время, пока стража на Омине сообразит, что в подземную пещеру спустился не их флот, а неприятельский.

Так оно и было. Четыреста наших кораблей из пятисот успели снизиться на поверхность

Омина, прежде чем прозвучал первый выстрел. Произошел горячий короткий бой. Исход был ясен с самого начала: перворожденные, уверенные в неприступности своего подземного убежища, оставили для охраны огромной гавани всего несколько устаревших негодных судов.

По совету Алориса мы заключили пленных на нескольких островах и оставили их там под стражей. Затем на буксире подтянули к выходу корабли перворожденных и забили ими вход в Омин.

Теперь мы чувствовали себя относительно спокойно. Должно было пройти немало времени, пока вернувшиеся перворожденные смогут опуститься на поверхность Омина, а за этот промежуток мы рассчитывали добраться до храма Иссы. Первым моим шагом было спешное занятие острова, на котором находилась подводная лодка. Немногочисленная стража не оказала сопротивления, и остров перешел в наши руки.

Лодка оказалась в бассейне, и я приставил к ней охрану. Сам остался на острове в ожидании прихода Алориса и других.

Среди пленников был Эрстед, командир подводной лодки. Он узнал меня, так как три раза возил в храм Иссы и обратно.

- Счастье повернулось, - сказал я ему. - Как чувствуешь себя в положении пленного своего бывшего пленника?

Он улыбнулся, но улыбка его не предвещала ничего доброго.

- Ненадолго, Алекс! - ответил он. - Мы ждали тебя и приготовились.

- Что-то не видно! - процедил я сквозь зубы. - Вы все точно приготовились стать моими пленниками, даже без боя.

- Флот, вероятно, разошелся с тобой, - возразил он, - но он вернется в Омин, и тогда будет другая история.

- Не знаю, разошелся ли флот со мной, - ответил я.

Но он, конечно, не понял значения моих слов и только удивленно взглянул на меня.

- Я спросил его:

- Много пленников пришлось тебе перевозить к Иссе на твоём мрачном судне, Эрстед?

- Очень много!

- Может быть, ты помнишь одну пленницу, которую люди называли Деей Торис?

- Да, конечно, я помню ее. Во-первых, из-за красоты, а еще потому, что она жена первого смертного, который убежал от Иссы за все века ее божественного владычества. Говорят, что Исса тоже помнит, что Дея Торис - жена и мать тех, кто подняли руку на богиню вечной жизни.

Я задрожал при мысли о страшной мести, которую Исса, вероятно, излила на невинную Дею Торис за кощунство ее сына и мужа.

- Где она сейчас? - спросил я, холодея.

Я знал, что он произнесет непоправимые слова, но я так измучился неизвестностью, что не смог удержаться от желания услышать о моей любимой от человека, который только недавно видел ее. Мне казалось, что так я ближе к ней.

- Вчера праздновали ежемесячный ритуал Иссы, - ответил Эрстед, - и я видел Дею Торис, сидящей на своем обычном месте у ног богини.

- Как? - воскликнул я. - Она жива?

- Да, конечно, - ответил чернокожий. - Ведь не прошло еще года с того дня, когда она в первый раз удостоилась взглянуть на лучезарный свет божества.

- Не прошло года? - прервал я его.

- Конечно, нет, - повторил Эрстед. - Она не может умереть раньше трехсот семидесяти или трехсот восьмидесяти дней.

Мне все стало ясно. Как я был глуп! Я едва мог удержаться от внешних проявлений своей огромной радости. Я совершенно забыл, что между земным и тарианским годом такая большая разница! Десять земных лет, которые я провел на Мусрабе, составляют всего пять лет и девяносто шесть дней по тарианскому времени! День на Мусрабе на сорок одну минуту длиннее нашего, и в году шестьсот восемьдесят семь дней!

Я прибыл вовремя! Вовремя!! Слова эти, как звон колокола раздавались у меня в мозгу наконец я громко произнес их, потому что Эрстед сомнительно покачал головой.

- Вовремя, чтобы спасти свою жену? - И не дожидаясь ответа, продолжал. - Ну, нет, Алекс, Исса не выпускает своей добычи! Она знает, что ты придешь, и если даже нога твоя вступит в пределы храма, да сохранит нас от подобного бедствия великая Исса, Дея Торис будет отправлена в такое место, откуда нет спасения.

- Ты хочешь сказать, что ее убьют мне назло? - спросил я.

- Нет, не то, - ответил он. - Слышал ли ты о храме Солнца? Вот туда-то и поместят Дею Торис. Этот храм лежит далеко во внутреннем дворе храма Иссы, и его тонкий шпиль высоко возвышается над всеми шпилями и минаретами окружающих его больших храмов. Под этим шпилем, в подвале, скрыт главный корпус храма Солнца. Он состоит из шестисот восьмидесяти семи изолированных круглых комнат. Ко всем этим комнатам ведет через массивную скалу только один подземный ход.

Исса помещает туда тех, на кого она гневается, но которых пока не хочет казнить. Весь храм Солнца совершает одно полное обращение в год, соответствующее обращению Мусраба вокруг Солнца, но только раз в год вход в каждую комнату приходится против отверстия коридора, который является единственным сообщением с внешним миром.

Иногда Исса наказывает перворожденного, сажая его на год в комнату храма Солнца. Впрочем, часто она заключает вместе с осужденными и палача, назначая смерть на какой-то определенный день. В комнату ставится пища, достаточная для поддержания жизни на столько дней, сколько Исса назначила для нравственных пыток.

Такою смертью умрет Дея Торис, и первая вражеская нога, которая переступит порог храма, убьет ее.

Значит, меня ждало поражение! Несмотря на чудеса храбрости, несмотря на то, что я находился всего-то в нескольких минутах ходьбы от моей обожаемой принцессы, я на самом деле был от нее так же далек, как если бы стоял на берегу Черного моря в сорока восьми миллионах километрах от Мусраба?

<http://tl.rulate.ru/book/23550/513396>